

И. В. Антипов

О ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА ШЕЛОНИ¹

Верхнее течение реки Шелонь – пограничье новгородских и псковских земель – территория, которой мало занимались историки, а историки архитектуры в особенности. Из научных работ, посвященных этому региону, пожалуй, можно выделить лишь книгу А. Н. Кирпичникова «Каменные крепости Новгородской земли», где отдельный раздел посвящен Порхову². Ситуация изменилась в последние десятилетия: в начале 1990-х гг. Вл. В. Седовым были проведены археологические исследования утраченных памятников средневековой архитектуры на Шелони, обмерена сохранившаяся церковь Рождества Богородицы в Порхове, обобщены данные письменных источников по истории Шелонской земли. Итогом исследования стала монография «Новгородская архитектура на Шелони», опубликованная в 2001 г.³ Появление этой книги – несомненно, значимый факт в современной науке, в научный оборот введен целый пласт ранее совершенно неизвестных памятников. Кроме того, автор данной работы стремился показать, что на Шелони в XIV в. существовала «временная... архитектурная общность, ...группа памятников с общим языком»⁴. Таким образом, помимо основного центра строительной культуры на Новгородской земле в XII–XV вв. – собственно стольного города Новгорода – какое-то время существовал и второй центр – Шелонская земля. Хронологически четыре

¹ Публикация подготовлена в рамках темы НИР «Строительная техника и технология средневекового Новгорода (XI–XV века). Универсальный справочник».

² Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 210–262.

³ Седов Вл. В. Новгородская архитектура на Шелони. М., 2001. (Архив архитектуры. XIV. Новгородские древности. Вып. 6).

⁴ Там же. С. 156.

из изученных памятников располагаются, согласно точке зрения исследователя, в интервале от конца XIII и до середины XIV в., то есть принадлежат к одной из самых малоизученных эпох в истории новгородской архитектуры.

Данные выводы, безусловно, вносили существенные изменения в сложившиеся представления о развитии новгородской архитектурной школы в XIII–XV вв. Естественно, что появление подобной работы должно было найти отклик в научной среде, однако за прошедшие годы рецензия на эту книгу так и не появилась⁵. Кажется несколько запоздалым писать рецензию сейчас, однако как-то отозваться на опубликованную работу, принять или отвергнуть предложенные автором датировки и атрибуции памятников, а значит подойти и к вопросу о справедливости или преждевременности обозначенных выше принципиальных выводов – на наш взгляд, необходимо. Надеюсь, что предложенная мною интерпретация фактов, опубликованных Вл. В. Седовым, будет способствовать пробуждению интереса к этим памятникам и возникновению научной дискуссии, в ходе которой, возможно, и будет найден правильный подход к решению поставленных исследователем вопросов.

В работе Вл. В. Седова рассказывается о 5 памятниках церковного зодчества (храмах в Опоках, Дубровне, Карачуницах, церквах Рождества Богородицы и Николая Чудотворца в Порхове), а также о Порховской крепости. Помимо этого, в XIV–XVI вв. (датировка Вл. В. Седова) были построены храмы Ильи Пророка в Опоках и Михаила Архангела в Вышгороде, а также Спасская церковь в Порхове, однако сведения о них настолько скудны, что обсуждать вопросы их датировки и атрибуции не имеет смысла.

Летописных сведений о шелонских памятниках немного: под 1387 г. говорится о строительстве Порховской крепости, а под 1430 г. – о ее перестройке. Под 1412 г. упомянуто строительство Никольской церкви в Порховской крепости. Частично сохранившийся храм Рождества Богородицы в Порхове, а также раскопанные церкви в Опоках, Дубровне и Карачуницах не имеют летописных датировок.

⁵ Единственная известная нам публикация, в которой критически анализируются наблюдения Вл. В. Седова относительно одного из шелонских памятников – церкви Св. Николая в Опоцком погосте, – это небольшая статья С. В. Моисеева: *Моисеев С. В.* Церковная жизнь Опоцкого погоста в XV–XVIII вв. // Краеведческие чтения. Порхов-Холомки: Материалы науч. конф. Псков, 2006. С. 147–158. В нашей работе 2000 г., вышедшей еще до полной публикации результатов исследования Вл. В. Седова, четыре шелонских храма отнесены к группе памятников, которые были предположительно построены из камня во второй половине XIII – первой трети XIV в.: *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в.: Каталог памятников. СПб., 2000. С. 86–87.

Вначале кратко обобщим наиболее важные сведения о церковных постройках в Шелонской земле, опубликованные Вл. В. Седовым.

Рассказ об архитектуре этого региона исследователь начинает с **церкви Св. Николая в с. Опоки**. По мнению Вл. В. Седова, в письменных источниках храм с приделом Св. Георгия впервые упомянут в 1576 г. Раскопками был открыт четырехстолпный трехапсидный храм с одноапсидным бесстолпным Георгиевским приделом у юго-восточного угла (рис. 1). Размеры основного объема храма $14,5 \times 14,5$ м. Средняя, более широкая апсида несколько уплощена, межалтарные стенки заканчиваются прямыми участками, которые немного уже столбов. Столбы квадратной формы, достаточно большие ($1,7\text{--}2,0 \times 1,7\text{--}2,0$ м). Интересна их расстановка – боковые нефы оказываются ненамного уже центрального нефа, подкупольное пространство сдвинуто к востоку, увеличена западная треть храма. На северной стене в интерьере на разных участках обнаружены три небольшие ниши (на высоте $0,5\text{--}0,7$ м от уровня пола). На северной стене следов лопаток не найдено, исследователь резонно предположил, что и все фасады храма не имели лопаток (тем более, что лопаток не было и у придела Св. Георгия).

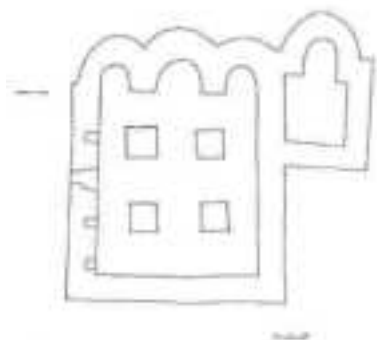

Рис. 1. Церковь Св. Николая в Опоках. Реконструкция плана (по Вл. В. Седову)

В ходе работ под полом храма были найдены фрагменты керамики XIII в.⁶ Такие черты храма, как трехапсидность алтарной части, отсутствие лопаток на фасадах, наличие придела, примыкающего к восточной части здания, позволили исследователю датировать памятник временем около 1300 г. Вл. В. Седов считает, что новгородская церковь Св. Феодора Стратилата на Щиркове, построенная в 1292–1294 гг. на месте домонгольского храма, вероятно, конца XII в., явилась родоначальницей нового архитектурного направления, характерной особенностью которого стал трехапсидный характер алтарной части, напоминающий домонгольские постройки. Храм в Опоках – первый

особенностью которого стал трехапсидный характер алтарной части, напоминающий домонгольские постройки. Храм в Опоках – первый

⁶ К сожалению, обоснование датировок керамических фрагментов, рисунки находок в книге Вл. В. Седова не опубликованы.

и наиболее ранний памятник данного типа. Три апсиды и отсутствие лопаток позволили соотнести этот храм с первоначальным замыслом строителей собора Тверского Отроча монастыря, который, возможно, был возведен в последней трети XIII в. (храм заложили трехапсидным, а построили одноапсидным)⁷.

Рис. 2. Церковь Рождества Богородицы в Дубровне. Реконструкция плана (по Вл. В. Селову)

Каменная **церковь Рождества Богородицы в Дубровне** с Никольским приделом на хорах впервые упомянута в Писцовой книге 1576 г.⁸ Храм представлял собой трехапсидный четырехстолпный памятник размером 12,7 × 13,0 м (размер четверика, без апсид – рис. 2). Три апсиды храма образуют в плане трехлопастную кривую, межалтарные стенки оканчивались плоскими поверхностями, они уже столбов. Фасады храма не имели лопаток. Дополнительных приделов-пристроек у церкви не было. Сохранность кладок доста-

точно плохая – в основном сохранились один-два ряда стеновой кладки, некоторые части здания (северо-западный столб) утрачены полностью.

В пространстве интерьера храма широко расставлены четыре столба. Восточные столбы, видимо, были скруглены к востоку, западные – квадратной формы, они ощутимо больше восточных (по предположению Вл. В. Седова, это связано с тем, что столбы поддерживали арки и своды – перекрытие хор, где находился придел Николая Чудотворца на полатях). Вход на хоры осуществлялся, видимо, через лестницу в северо-западном компартименте. Западный поперечный неф достаточно узкий (шириной около 2 м).

⁷ См. наиболее полную публикацию материалов исследований памятника: Салимов А. М., Булкин Вал. А. Успенский собор тверского Отроча монастыря // Архитектурное наследство. М., 2007. Вып. 47. С. 34–49.

⁸ Отметим, что храм, без указания на материал постройки и на наличие придела, упоминается еще в Переписной книге Шелонской пятины 1498 г. (НПК. Т. 4. Стб. 180–181). В Приправочной писцовой книге 7059 (1550/51) г. зафиксирована церковь «Рождество Пречистые да предел на полатех Воскресенье Христово да Никола чудотворец», однако материал постройки не указан (7059 [1550/51] г. – Приправочная писцовая книга половины Шелонской пятины письма Ивана Григорьева сына Белеутова // ПКНЗ. М., 2009. Т. 6. С. 88).

Подкупольное пространство значительно вытянуто по продольной оси, при этом ширина всех трех нефов в западной части оказывается фактически одинаковой, судя по опубликованным чертежам⁹. Подобный подход во многом противоположен тому, что мы наблюдали в Никольской церкви в Опоках, где подкупольные столбы образовывали правильный квадрат. Датировка памятника, по Вл. В. Седову, – конец XIII – первая треть XIV в.

Церковь Рождества Богородицы в Порхове – единственный частично сохранившийся памятник средневековой церковной архитектуры на берегах Шелони (рис. 3–4). Монастырь, правда названный «Пречистые Успенья», упоминается уже в Писцовой книге 1498 г. Впервые сведения о каменном храме мы находим в описи 1628 г.

Древний храм небольших размеров (7,5 × 7,5 м, вынос апсиды – 2,75 м), утрачены столбы и, следовательно, арки, своды, венчающие части здания. Отличительная черта памятника – лопатки расположены только по углам храма; сохранились остатки двухступчатых арок, которые образовывали на фасадах трехлопастную кривую. Пониженная и несколько вытянутая апсида никак не декорирована, в ней, очевидно, было два симметрично расположенных щелевидных окна, в восточной стене прослежены два щелевидных окна жертвенника и дьяконника. На северном фасаде в центральном яруса нижнего яруса расположен портал, над которым во втором и третьем ярусах также находятся окна; сохранился древний проем второго яруса – щелевидный с треугольным верхом. Окно такой же формы находится в верхней части западного фасада, в северной части этого фасада сохранилась первоначальная композиция из двух ниш с треугольным верхом, над которыми расположена ниша в форме ромба. О южном фасаде храма сведений нет, так как он скрыт поздним приделом.

Места четырех первоначальных столбов отмечены на обмерах 1960 г., на чертеже показаны квадратные столбы, по версии Вл. В. Седова, западная пара столбов могла быть круглой. Из первоначальных форм интерьера сохранились ниши жертвенника и дьяконника, ниша окна в северной части апсиды и растесанный западный портал, изнутри оформленный нишей с завершением «домиком».

⁹ Нужно отметить, что северо-западный и юго-западный углы храма не были зафиксированы в ходе раскопок, поэтому опубликованная реконструкция имеет гипотетический характер.

Рис. 3. Церковь Рождества Богородицы в Порхове
Вид с северо-востока

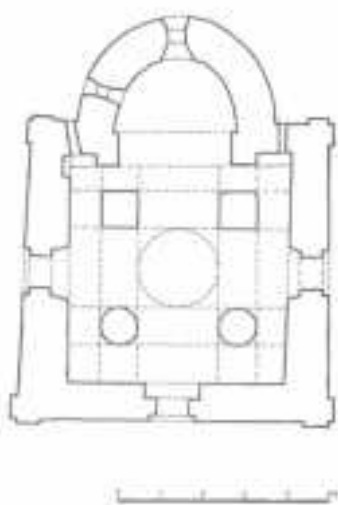

Рис. 4. Церковь Рождества
Богородицы в Порхове
Реконструкция плана
(по Вл. В. Седову)

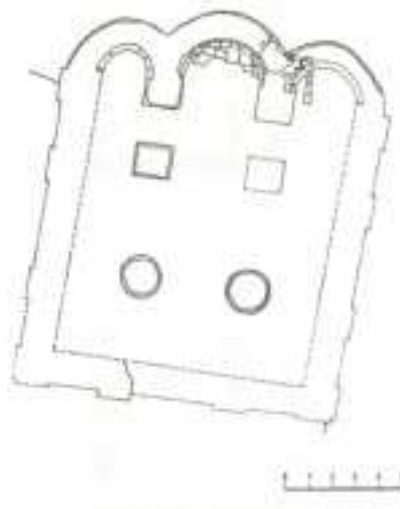

Рис. 5. Церковь Успения
Богородицы в Карачуницах
Реконструкция плана
(по Вл. В. Седову)

Исследователь сопоставляет этот храм с церковью Св. Николы на Липне и предлагает две датировки памятника: широкую (конец XIII – середина XIV в.) и узкую (около 1300 г.).

Каменный храм **Успения Богородицы в Карачуницах** впервые упомянут в Писцовой книге 1576 г. Судя по результатам раскопок, здание представляло собой четырехстолпный трехапсидный храм (размеры четверика 13,7 × 13,7 м – рис. 5). Центральная апсида более широкая и более выступает вперед, межальтарные стенки заканчиваются плоскими поверхностями, по ширине они равны восточным столбам. Южная апсида несколько шире северной, во всех трех апсидах найдены синтроны. Фасады храма расчленены на три прясла широкими слабовыступающими лопатками (ширина 1,4 м, вынос относительно стены 20 см). Лопатки образуют закрестья на западных углах, с востока закрестий нет и апсиды начинаются от небольшого плечика. Лопатки не соответствовали столбам – центральные прясла широкие, боковые по ширине одинаковы.

Центральный неф широкий, боковые значительно уже, соответственно создается просторное подкупольное пространство (3,2 × 3,5 м). Западная треть значительно шире восточной. Восточная пара столбов имеет квадратную форму, западные столбы круглые.

По Вл. В. Седову, храм датируется временем «не позже первой половины XIV в.».

Никольская церковь в Порхове, построенная в 1412 г., не сохранилась, но известна благодаря археологическим раскопкам А. Н. Кирпичникова. Это четырехстолпный одноапсидный, видимо, одноглавый храм, размеры четверика 11,0 × 11,0 м (рис. 6). Фасады здания расчленены лопатками, на боковых фасадах восточные прясла значительно уже западных, храм, видимо, имел хоры с приделом Воскресения. Древние столбы не изучены, форма столбов существующего храма XVIII в. квадратная.

Из представленных пяти памятников только Никольская церковь в Порхове, по мнению Вл. В. Седова, относится к особому этапу в истории архитектуры Шелонской земли, здесь мы не видим каких-либо местных черт, за исключением кладки из плиты; особенности плана храма свидетельствуют о новгородском происхождении его архитектурных форм. Остальные четыре памятника, согласно точке зрения Седова, образуют компактную группу, они родственны между собой в типологическом и даже стилистическом отношении, а значит, и построены были в какой-то небольшой отрезок времени, видимо в первой половине XIV в., а скорее всего на рубеже XIII–XIV вв.

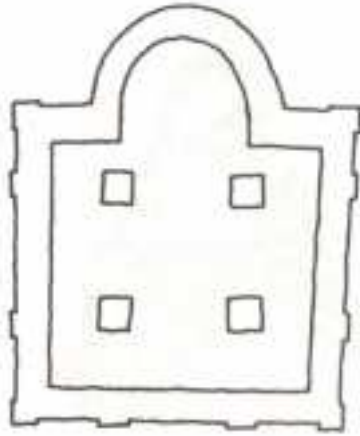

Рис. 6. Церковь Св. Николая в Порхове
Реконструкция плана (по Вл. В. Седову)

Из этого ряда, по мнению исследователя, все же несколько выделяется церковь Рождества Богородицы в Порхове, в которой мы чувствуем перенесенные на Шелонь «формы архитектуры самого Новгорода»¹⁰.

С этим выводом исследователя можно, безусловно, согласиться и сразу же вывести храм Рождества Богородицы из выделенной шелонской «архитектурной общности». Остаются три храма: в Опоках, Дубровне, Карачуницах. Приведенное выше краткое описание памятников однозначно свидетельствует, что у этих памятников также практически нет объединяющих элементов. Храмы в Опоках и Дубровне сближает отсутствие лопаток, но в Карачуницах лопатки есть; у храмов разная форма столбов и решение интерьера – расположение опор относительно стен. Отличаются размер и форма межапсидных стенок, характер расположения и форма центральной

¹⁰ Седов Вл. В. Новгородская архитектура на Шелони. С. 86.

апсиды и т. д. Если у храмов в Опоках и Дубровне фундамент характерного для Новгорода типа – валунный безрастворный, то основание церкви в Карачуницах представляет собой плиты на растворе, поставленные прямо на материк. В исследовании Вл. В. Седова не затронут вопрос о количестве этажей в шелонских храмах – только относительно Карачуницкой церкви мы уверенно можем говорить, что это одноэтажная постройка, судя по форме столбов и наличию синтрона. Мог быть одноэтажным и храм в Дубровне, если справедливым вывод о том, что восточные столбы были скруглены с востока и имели прямые поверхности с запада¹¹. Есть только одна черта, которая является общей для всех трех памятников, – это трехапсидность¹².

На иллюстрации в книге Вл. В. Седова представлены планы памятников Новгорода и Пскова XIII–XIV вв., Успенского собора тверского Отроча монастыря (возможно, конец XIII в.), а также шелонских храмов (рис. 7). Данный чертеж нагляднее всего показывает упомянутые выше принципиальные отличия всех этих памятников и принадлежность их к разным эпохам в истории архитектуры Северо-Западной Руси.

Таким образом, говорить о какой-либо шелонской «архитектурной общности», на наш взгляд, неправомерно. Очевидно, что в XIV–XVI вв. на Шелони время от времени строили каменные храмы, так же, как это происходило в Старой Руссе и ее окрестностях, в Торжке, некоторых погостах и отдаленных монастырях. Интенсивность этого строительства на территориях, которые ранее входили в Новгородскую землю, судя по всему, резко усиливается в конце XV–XVI вв. Отсутствие местной традиции изготовления кирпича приводит к тому, что все храмы строятся из плиты в близкой строительной технике, хотя и тут мы наблюдаем некоторые отличия (фундамент храма в Карачуницах).

Перед нами возникает следующая задача – датировать четыре шелонских памятника, не имеющие летописных дат. Сразу отметим, что все храмы на Шелони сложены из плиты, поэтому часто применяемый при изучении новгородской архитектуры метод датировки по формату и типу кирпича в данном случае не работает.

¹¹ Хотя, например, в соборе Св. Иоанна Богослова Черменецкого монастыря (1570-е гг.?) столбы в подцерковье также скруглены с востока. План собора Св. Иоанна Богослова оказывается в целом наиболее близким плану храма в Дубровно.

¹² Естественно, все эти памятники, включая храмы в Порхове, четырехстолпные.

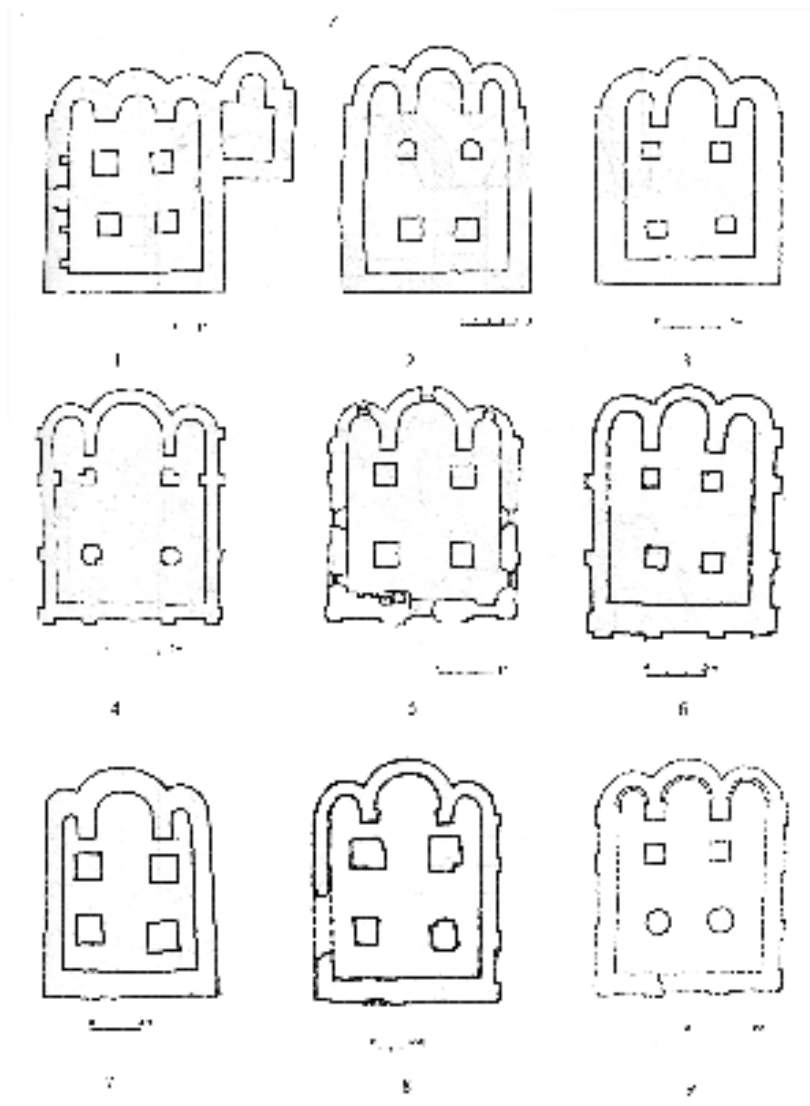

Рис. 7. Сводная таблица планов некоторых древнерусских храмов (по Вл. В. Седову):

1 – Церковь Св. Николая в Опоках; 2 – церковь Рождества Богородицы в Дубровне; 3 – Успенский собор Отроча монастыря в Твери; 4 – собор Никольского монастыря в Старой Ладогe; 5 – церковь Федора Стратилата на Щирковой улице в Новгороде; 6 – собор Пантелеймонова монастыря близ Новгорода; 7 – церковь Власия во Пскове; 8 – церковь Кирилла во Пскове; 9 – церковь Успения в Карачуницах

Уже было упомянуто, что храмы в Опоках, Карачуницах и Дубровне объединяет наличие трех апсид. Трехапсидными было большинство домонгольских новгородских храмов, однако от датировки памятников домонгольским временем следует, конечно, сразу же отказаться как от абсурдной.

В новгородском строительстве конца XIII–XV вв. трехапсидными были только церкви «на старой основе» (Федора Стратилата на Щиркове, Спаса в Руссе, Иоанна на Опоках, Ильи на Славне, Успения на Торгу, Воскресения на Мячине). Вл. В. Седов связывает происхождение трехапсидной формы алтаря трех шелонских храмов с церковью Св. Пантелеймона в Новгороде (1207), Никольским собором в Старой Ладогe (по мнению Седова, 1230–1240-е гг.), церковью Св. Федора Стратилата на Щиркове (1292–1294). Архитектура Новгорода первой трети XIII в. пока плохо изучена, тем не менее очевидно, что трехапсидная форма алтарной части в эту эпоху уже практически не встречается, известные нам памятники – церкви Св. Параскевы Пятницы 1207 г., Михаила Архангела на Прусской ул. 1219–1224 гг., Рождества Богоматери на Пырыне 1230–1240-х гг.(?) имеют одну апсиду. Церковь Св. Пантелеймона – это памятник, завершающий ряд домонгольских новгородских трехапсидных храмов. Недавно Вл. В. Седовым выдвинуто весьма убедительное предположение о том, что собор Пантелеймонова монастыря построен по образцу Успенской церкви Аркажа монастыря 1188–1189 гг., что еще раз подтверждает особое место этого памятника в ряду новгородских храмов первой трети XIII в.¹³ Никольский собор в Старой Ладогe, как убедительно показали работы сразу нескольких исследователей, должен быть датирован третьей четвертью XII в., временем т. н. ладожского этапа в развитии новгородской архитектурной школы¹⁴. Таким образом, наличие трех апсид в церкви Феодора Стратилата на Щиркове обусловлено исключительно возведением храма «на старой основе», никаких следов влияния архитектурных форм этого памятника в зодчестве XIV в. мы не прослеживаем, это памятник «одинокий», своего рода анахронизм для зодчества конца XIII в.

В XVI в. трехапсидные церкви вновь появляются в новгородской архитектуре, но уже как результат воздействия архитектуры Москвы. Для Пскова трехапсидная форма алтаря более харак-

¹³ Седов В. В. О ранней истории новгородского Пантелеймонова монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 30.

¹⁴ От датировки памятника 1240-ми гг. отказались уже и сами исследователи, ее предложившие: Гусева О. Г., Иоаннисян О. М. К вопросу о датировке Никольского собора в Старой Ладогe // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. СПб.; М., 2009. Т. 1. С. 275.

терна, известны трехапсидные храмы XIV–XV вв., многочисленные трехапсидные храмы строятся и в XVI в. В XVI в. территория по берегам Шелони уже входила в состав Московского государства, несмотря на то, что исторически эта земля относилась к Новгородской республике. Очевидно, что близость Пскова и знакомство с псковской архитектурной традицией могли способствовать появлению специфических архитектурных форм шелонских храмов.

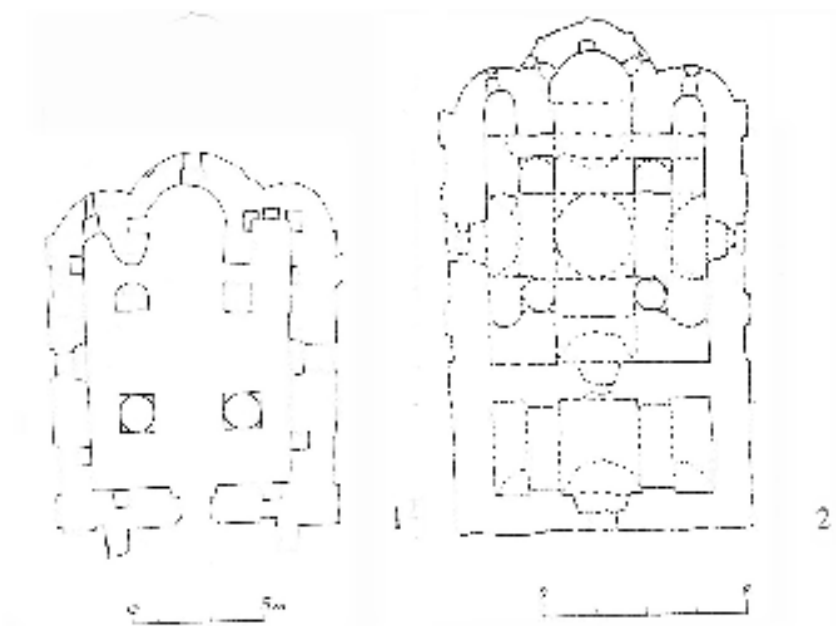

Рис. 8. Церкви Свв. Константина и Елены во Пскове (1) и Св. Ильи Пророка в Кривовицах (2). Планы (по Вл. В. Седову)

Среди шелонских трехапсидных храмов выделяется Успенская церковь в Карачуницах. Храм построен до 1576 г., такая его черта, как широкие лопатки на фасадах, не находит прямых аналогий в архитектуре Новгорода XIV–XVI вв. и опять заставляет обращаться к зодчеству Пскова¹⁵. Анализ псковских памятников XIV–XV вв. тоже не дает убедительных примеров, которые можно было

¹⁵ Вл. В. Седов ссылается на то, что широкие лопатки есть у церкви Св. Феодора Стратилата на Щиркове, однако они просто повторяют лопатки домонгольского Федоровского храма, в других новгородских памятниках конца XIII–XIV вв. аналогов им нет.

бы сопоставить с церковью в Карачуницах. В то же время в архитектуре Пскова XVI в. встречаются все характерные для шелонского памятника архитектурные детали: широкие лопатки, круглые западные столбы, принцип расположения столбов в интерьере храма¹⁶, трехапсидность с несколько выступающей вперед центральной апсидой. Похожий план имеет, например, церковь Свв. Константина и Елены во Пскове, датированная Вл. В. Седовым первой третью XVI в.; близок Карачуницкому храму план церкви Св. Ильи Пророка в Кривовицах 1529 г. (рис. 8)¹⁷. В то же время вопросы датирования памятников псковской архитектуры XVI в. кажутся пока мало разработанными, поэтому мы сейчас предлагаем для памятника широкую датировку: первая половина – середина XVI в.

Анализируя архитектурные формы двух других трехапсидных памятников – церквей в Опоках и Дубровне, надо отметить, что Вл. В. Седов сближает их и говорит о родстве архитектуры храмов в основном, видимо, из-за отсутствия лопаток на фасадах. Лопаток на фасадах нет в трех памятниках новгородской архитектуры середины XIV в.: в Успенской церкви на Волотовом поле, церкви Михаила Архангела на Сквородке и церкви Троицы на Редятине ул. Во Пскове лопаток нет, например, у некоторых храмов Довмонтова города (храмы № 2, 6, 7, 8, 10). Однако очень важно отметить, что материалы раскопок Вл. В. Седова не показывают, что лопаток у этих двух Шелонских храмов не было. Нам известны многочисленные церкви Псковской земли XVI в., тщательно изученные Вл. В. Седовым, у которых лопатки начинались не от цоколя, а со значительной высоты от поверхности земли (вплоть до 5 м)¹⁸. Почему такая ситуация не могла быть в Опоках и Дубровне?

Рассмотрим особенности храма в Дубровне, учитывая, что к 1576 г. памятник уже существовал. Форма восточных столбов абсолютно точно свидетельствует, что перед нами храм, который не может быть отнесен к новгородской архитектурной школе, – в новгородской архитектуре такие столбы появляются только в 1460-е гг. в храмах с подцерковьем и всегда находятся на верхнем этаже, где

¹⁶ Сошлемся на мнение Вл. В. Седова, высказанное относительно поздних частей церкви Михаила и Гавриила Архангелов во Пскове: «...нехарактерным для XIV в. является сильное увеличение западного нефа» (*Седов Вл. В. Псковская архитектура XIV–XV веков: Происхождение и становление традиции.* М., 1992. С. 50 (Архив архитектуры. III)).

¹⁷ *Седов Вл. В. Псковская архитектура XVI века.* М., 1996. С. 32–33 (Архив архитектуры. VIII).

¹⁸ Например, церкви Св. Дмитрия в Гдове, Св. Климента во Пскове, Свв. Петра и Павла с Буя и др. (*Седов Вл. В. Псковская архитектура XVI века.* С. 55, 97, 104).

располагается собственно храм¹⁹. В Пскове подобная форма столбов встречается в памятниках XV–XVI вв. в сочетании с различными по форме западными столбами и различными вариантами окончания межапсидных стенок.

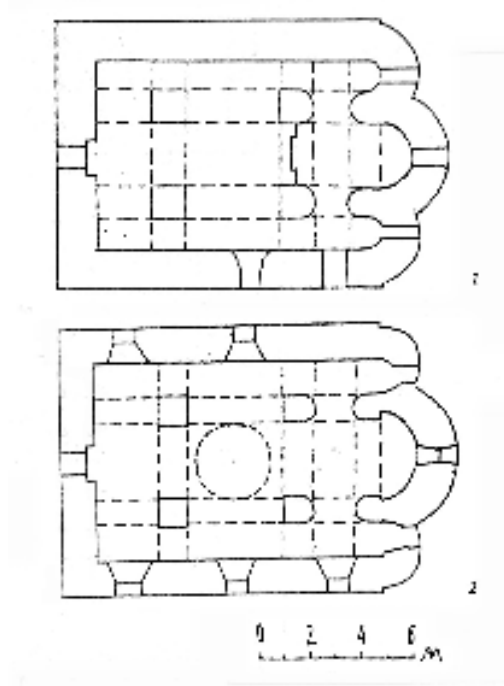

Рис. 9. Собор Св. Иоанна Богослова Черемнецкого монастыря
Планы подцерковья (1) и храма (2) (по Вл. В. Седову,
элементы реконструкции – автора)

Ближайшая аналогия плану храма в Дубровне, как мы уже отмечали – собор Св. Иоанна Богослова Черемнецкого монастыря (1570-е гг.?). Храмы имеют ряд сходных черт: форму столбов, от-

¹⁹ Скругленные восточные столбы в церкви Свв. Флора и Лавра в Новгороде появились в ходе какой-то перестройки здания: *Петров Д. А.* Церковь Флора и Лавра на Легощей улице в Новгороде. М., 1993. С. 7 (Архив архитектуры. IV. Новгородские древности); Научный архив ИИМК РАН. Р-1. Д. 1297. Л. 30 (обмеры З. Ф. Вальта 1930 г.).

сутствие лопаток, решение восточной части (рис. 9)²⁰. Есть и ряд различий: в Черемнецком соборе увеличен западный поперечный неф, боковые нефы достаточно узкие. Конечно, вряд ли будет возможным указать на буквальный аналог шелонского храма, пока мы склоняемся к датировке храма в Дубровне третьей четвертью XVI в. Несомненно, следует продолжить дальнейшие поиски для того, чтобы определить место этого памятника в истории архитектуры, однако то, что это памятник псковского зодчества XVI в., не вызывает сомнений.

Наиболее интересен, безусловно, храм в Опоках. Его композиция осложнена первоначальным бесстолпным приделом, примыкающим к юго-восточному углу; квадратная форма столбов, их расстановка более напоминают памятники новгородского зодчества, чем Карачуницы или Дубровну. В то же время трехапсидность памятника вызывает ассоциации прежде всего с псковской архитектурой.

Датировка храма в Опоках, отличающаяся от даты, введенной в научный оборот Вл. В. Седовым, была предложена С. В. Моисеевым. Он обратил внимание на сообщение Писцовой книги 1497/98 г.: «Погост Опотьцкой... А на нем церковь Никола Великий... а ставят и строят всем погостом»²¹. Опираясь на данное известие, не упомянутое в книге Вл. В. Седова, С. В. Моисеев считает, что строительство каменного Никольского храма следует отнести к 1490-м гг. Исходя из даты Писцовой книги, мы считаем, что он мог быть построен во второй половине 1490-х гг. Отметим, что церковь ставят на бывшей земле новгородского Росткина монастыря, каменный храм в котором появился только в 1406 г.²² Кроме того, тот же автор указал, что факт наличия внутри храма погребений XIV–XV вв. (датировка по керамике сделана Вл. В. Седовым) свидетельствует об их принадлежности к кладбищу, существовавшему у более раннего, деревянного храма (внутри не монастырских церквей не хоронили)²³. Итак, попробуем проверить, есть ли в архитектуре

²⁰ В Черемнецком соборе межапсидные стенки скруглены, на реконструкции в книге Вл. В. Седова межапсидные стенки в Дубровне показаны прямыми, но, судя по обмерному чертежу, достоверно эта форма не прослежена.

²¹ НПК. Т. 4. Стб. 162. Следующее по времени упоминание храма с приделом Св. Георгия (без указания на материал постройки) содержится в Приправочной писцовой книге 7059 (1550/51) г.: Приправочная писцовая книга половины Шелонской пятины... С. 30.

²² НПЛ. С. 399.

²³ Моисеев С. В. Церковная жизнь Опочского погоста в XV–XVIII вв. С. 149–150.

Никольского храма какие-либо элементы, противоречащие предложенной дате²⁴.

Рассмотрим вначале характер решения восточной части памятника – вероятно, его «псковскую» черту.

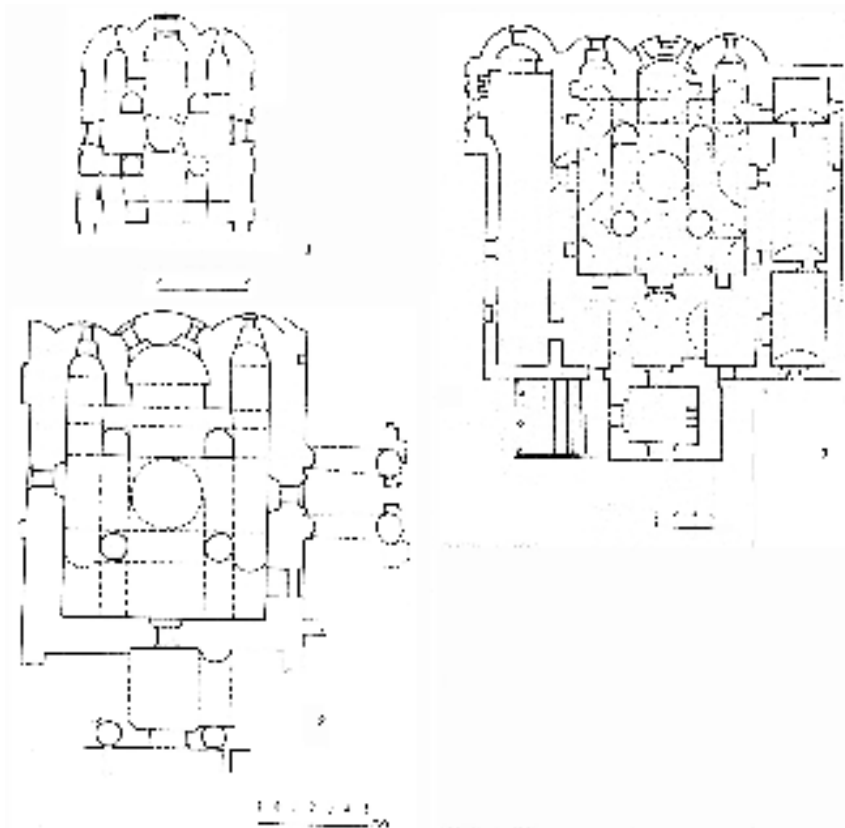

Рис. 10. Церкви Св. Михаила Архангела в Кобыльем Городище (1), Успения с Пароменья (2) и Св. Василия на Горке (3) во Пскове
Планы (по А. И. Комечу и Вл. В. Седову)

²⁴ В принципе, в 1490-е гг. жители погоста могли строить деревянный храм – предшественник найденного археологами каменного.

Похожую форму апсид имеют церковь Св. Михаила Архангела в Кобыльем Городище руб. XV–XVI вв. и церковь Успения с Пароменья 1521 г.; встречаются алтарные апсиды подобной формы и чуть позже, например, в церкви св. Василия на Горке во Пскове, видимо, 1540–1550-х гг. (рис. 10). Другие важные особенности памятника – форма и расстановка столбов – кажутся связанными с новгородской архитектурой²⁵. Здесь еще раз важно подчеркнуть: у нас нет уверенности, что Никольская церковь – одноэтажный храм. Наличие в центральной и западной части хорошо сохранившейся северной стены нескольких ниш-шкафов и отсутствие окон говорит скорее об обратном²⁶. Кроме того, в храме нет синтрона, а в придельной церкви не было каменного престола (в основном объеме раскопки на месте престола не велось). Поэтому мы склоняемся к мысли, что найденный в Опоках храм был двухэтажным²⁷. Эта черта храма вполне органично вписывается в картину развития новгородской архитектурной школы во второй половине XV в., столбы церкви могли быть квадратными в нижнем ярусе и круглыми или скругленными в верхнем. Аналогий придельным храмам у восточных углов достаточно много и в новгородском зодчестве XV в., и в архитектуре Пскова XV–XVI вв., но подобных примеров в зодчестве конца XIII – первой половины XIV в. нет ни в Новгороде, ни во Пскове. Вероятнее всего, храм в Опоках – это действительно памятник, в котором соединились принципы, выработанные новгородской архитектурной школой в XV в., с трехапсидностью, характерной для архитектуры Пскова. В архитектуре храма, если мы примем как данность ее «пограничный» характер, нет противоречий с предложенной С. В. Моисеевым датировкой²⁸.

Вл. В. Седов показал, что Опоки были значимым городком среди шелонских поселений, но идея о том, что Опоки до 1387 г. были главным центром Шелонской земли, кажется нам не подкрепленной доказательствами. Возведение здесь каменного храма возможно было и тогда, когда Опоки перестали быть городом, но су-

²⁵ Отметим, впрочем, что теоретически и трехапсидность храма может быть связана с Новгородом – Никольский храм в погосте мог повторять одну из отличительных черт Никольского собора в Новгороде – трехапсидного храма.

²⁶ Судя по опубликованным материалам, в северной апсиде храма не было ниш, обязательных для жертвенника.

²⁷ Кроме того, как мы предполагаем, скорее всего, у храма не было портала с юга и, возможно, с запада.

²⁸ Текст Писцовой книги 1497/98 г. проясняет и вопрос о заказчике храмов на Шелони – в Опоках заказчиками были жители погоста, безусловно, сельские жители строили и храмы в Карачуницах и Дубровне, в то время как порховская церковь Рождества Богородицы была, видимо, построена по заказу монастырских властей.

ществовали как центр погоста. После публикации И. Ю. Анкудиновым полного текста т. н. Росписи новгородских церквей 1615 г. стало очевидным, что в конце XV–XVI вв. на территории бывшей Новгородской земли развернулось значительное строительство каменных храмов не только в монастырях, но и в погостах, Никольская церковь в Опоках могла быть одним из таких храмов²⁹.

Таким образом, трехапсидные шелонские храмы демонстрируют скорее точки соприкосновения с архитектурой Пскова, нежели с зодчеством Новгорода. В этом нет ничего удивительного, учитывая пример, приведенный в той же работе самим Вл. В. Седовым, – Порховская крепость 1387 г., как убедительно показал исследователь, построена по образцу Изборской крепости 1330 г.³⁰ В церковной архитектуре территории новгородско-псковского пограничья также преобладают псковские черты, особенно, видимо, в XVI в.

Однако среди изученных Вл. В. Седовым храмов есть памятник, в котором псковские черты отсутствуют и который может быть широко датирован XIV – первой третью XV в., – это церковь Рождества Богородицы в Порхове. Очевидно, что порховский храм не мог быть построен позже 1420-х гг.: все новгородские храмы середины – второй половины XV в., кроме церкви Двенадцати апостолов, имели подцерковье, а в порховском храме его не было, об этом свидетельствуют принципы расположения оконных проемов, наличие окон в нижнем ярусе дьяконника и жертвенника. Кроме того, форма перекрытия окон домиком не встречается в новгородских памятниках середины – второй половины XV в. Попробуем сузить датировку памятника.

²⁹ Анкудинов И. Ю. Роспись новгородских церквей 1615 г. // НИС. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 367–382.

³⁰ Нельзя не отметить, кстати, что в публикациях цитируются летописные сообщения НПЛ и ЛА о строительстве Порхова в 1387 г., но ни А. Н. Кирпичников, ни Вл. В. Седов не обращают внимания на подробное известие Н4Л о строителях крепости: «...поставиша Порховъ городъ камень Иванъ Валитъ, Фатьянь Есифовичъ, главѣнымъ серебромъ демественика святаго Софѣа.» (Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 348). Еще более подробное известие содержится в недавно полностью опубликованной Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского: «В лѣт(о) 6895. Бл(аго)с(ло)ви вл(а)д(ы)ка Алексѣи Новгород ставити город Порхов камен. Послаша новгородцы Ивана Феодорович(а), Фатияна Есифович(а) и поставиша город Порхов камен. [.....] Того ж(е) лѣта поставиша Порхов город камен Иоан Валит, Фатиян Есипович, главиннымъ серебромъ демественика с(вя)т(ы)а Соф(и)а.» (Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 145). Тот же Иоанн Феодорович, но уже вместе с Есифом Захарьевичем, Юрием Онцифоровичем и Федором Тимофеевичем в 1384 г. ставят крепость Ям – еще одно уникальное известие этой летописи (Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. С. 143).

Нам видятся только два признака, которые могут способствовать сужению даты: отсутствие промежуточных лопаток на фасадах, а также форма и расположение оконных и дверных проемов. Вл. В. Седов совершенно прав, сопоставляя фасады церкви Рождества, только на углах раскрепованные лопатками, с фасадами церкви Рождества Богоматери на Перыни и Николая на Липне. Можно считать фактом, что липненский храм был построен по образцу Перыни. Следовательно, можно было бы принять предположение, что порховский памятник был выстроен по образцу Липны (или Перыни и Липны).

Отсутствие окон в боковых частях северного и южного фасадов – деталь очень редкая, она встречается либо в храмах без хор (например, в церкви Двенадцати апостолов 1454 г.), либо в памятниках середины XIV в., где боковые камеры на хорах были открыты на восток и освещались окнами, расположенными в рукавах креста (в храмах Успения на Волотовом поле, возможно, церкви Михаила Архангела на Сквородке и Троицы на Редятине). В перынской и липненской церквях фасады решены по-иному. Таким образом, характер расположения оконных проемов заставляет сопоставить порховский храм не с Перынью или Липной, а с церквями середины XIV в.³¹ К сожалению, в письменных источниках нет сведений о том, были ли у храма хоры, а интерьер памятника пока не изучен. Мы предполагаем, что у порховской церкви были хоры с открытыми на восток угловыми камерами, и тогда храм Рождества Богородицы мог быть построен в середине XIV в. – данная черта в более поздних и более ранних памятниках не встречается. Форма оконных проемов церкви Рождества Богородицы идентична форме окон многих новгородских памятников XIV – начала XV в., но таких окон мы не находим в церкви Николы на Липне 1292 г.

Прямых аналогий композиции из двух нишек с треугольным завершением и ромба на западном фасаде церкви Рождества Богородицы в новгородской архитектуре найти не удалось³², но кажется, что подобный мотив может быть сопоставлен только с декоративными композициями на фасадах церквей второй половины XIV – начала XV в.: Спаса на Ильине (парные ниши с треугольным завершением в центральных пряслах северного, западного и южного фа-

³¹ Интересно, что сходство системы расположения оконных проемов в Порхове и в церкви на Волотовом поле отмечает и Вл. В. Седов, в связи с чем он предлагает и более широкий диапазон для датировки памятника – конец XIII – середина XIV в., склоняясь все-таки к ранней дате храма.

³² Подобная композиция встречается в памятниках кирпичной архитектуры Северной Германии – см. напр., декоративную композицию на стене одного из помещений 1 яруса замка в Торуне (Торне).

садов) и Свв. Петра и Павла в Кожевниках (композиция из нишек с треугольным завершением, розеток и круглых ниш в центральном прясле западного фасада).

Отсутствие промежуточных лопаток может быть объяснено как небольшими размерами памятника, так и вполне вероятной ориентацией на какой-то образец в Новгороде – скорее всего, на храм с тем же посвящением, стоящий на Пeryни.

В этой связи нам кажется неверной датировка храма временем «около 1300 г.», и мы предлагаем датировать памятник серединой – третьей четвертью XIV в. (не ранее 1350-х гг.). Не исключено, что храм построен до перенесения города на новое место и возведения каменной Порховской крепости в 1387 г.: сложно предположить, что каменный монастырский храм построили тогда, когда собор в новой крепости был еще деревянным³³. Возможно, предложенная датировка будет уточнена после проведения реставрации памятника³⁴.

Таким образом, анализ архитектурных особенностей памятников, изученных и опубликованных Вл. В. Седовым, привел нас к выводу, что Шелонская земля действительно была «контактной зоной» Новгорода и Пскова, однако характер этих контактов был несколько иным, чем это виделось исследователю, – в большинстве памятников мы видим псковское, а не новгородское происхождение архитектурных форм. На наш взгляд, не существовало шелонской «архитектурной общности», изученные памятники относятся к разным периодам, и несмотря на некоторые интересные особенности, могут быть рассмотрены в общем контексте развития новгородской и псковской архитектурных школ XIV–XVI вв. Сказанное не умаляет заслуг исследователя, открывшего в ходе археологических работ три ранее совершенно неизвестных храма, один из которых, вероятно, относится к 1490-м гг., – о новгородской церковной архитектуре этого времени мы ничего не знаем; благодаря его усилиям в научный оборот был введен частично сохранившийся храм Рождества Богородицы в Порхове – памятник новгородской архитектуры середины – третьей четверти XIV в.

³³ Никольский храм в Порхове упоминается в ЛА в 1398 г.: «Тогда преставися князь Романъ в Порховѣ, и положень бысть у святого Николѣ» (Летопись Аврамки // ПСРЛ. Т. 16. Стб. 146). Правда, это мог быть и Никольский храм на городище. Кроме того, в летописях есть более развернутое свидетельство, где указано другое место погребения князя: «Убыен бысть князь Романъ Юрьевичъ на Шолонѣ, и положено бысть тѣло его оу святого Спаса в Порьховѣ.» (ПСРЛ. Т. 4. С. 384, ср. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. С. 159).

³⁴ В принципе, при реставрации могут быть открыты иные элементы декора или заложенные окна.